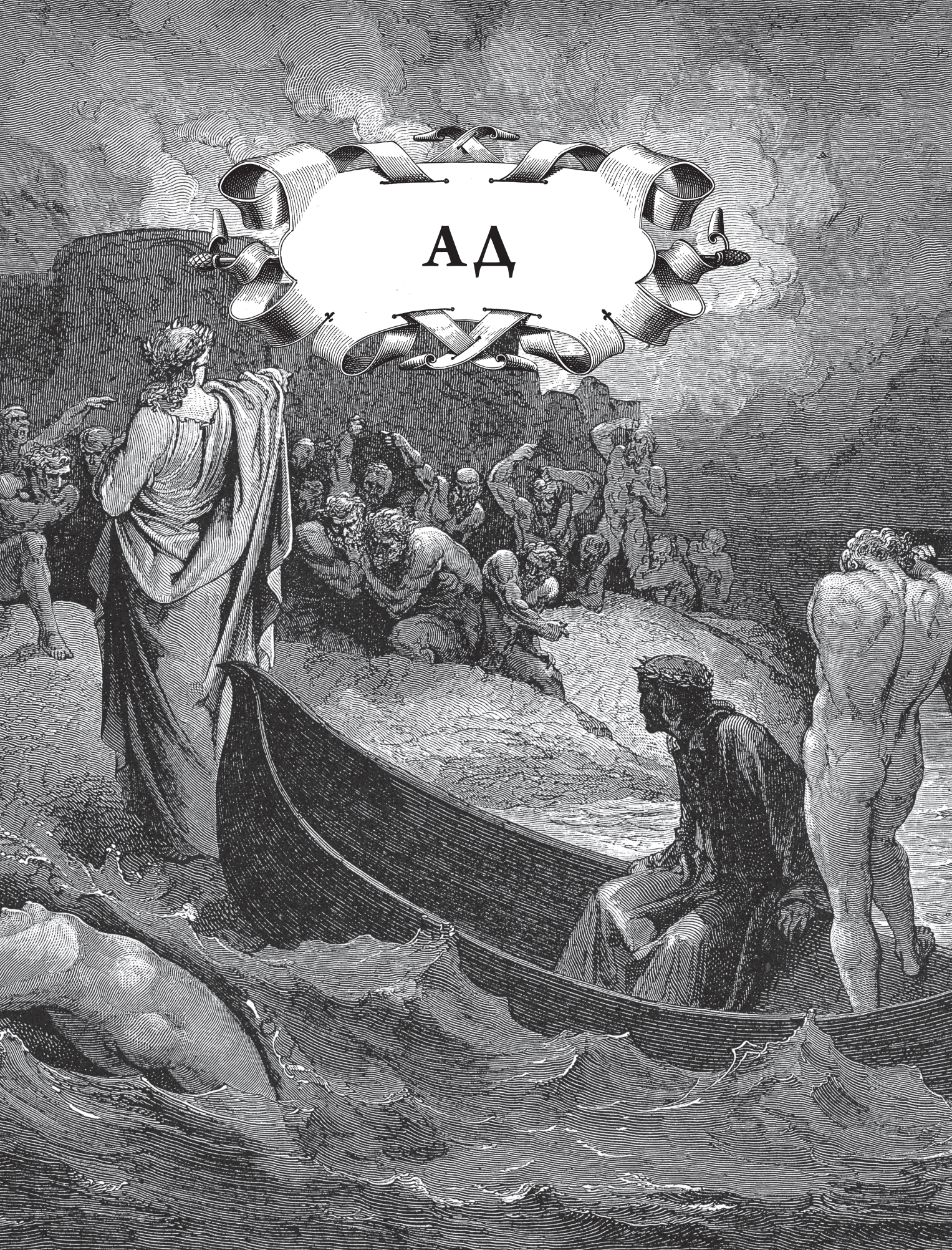

ΑΔ

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Поэт рассказывает, что, заблудившись в темном, дремучем лесу и встречая разные препятствия для достижения вершины горы, он достигнут был Вергилием. Последний обещался показать ему муки грешников в Аду и Чистилище и сказал, что потом Беатриче покажет поэту Райскую обитель. Поэт последовал за Вергилием.

- ¹ Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...
- ⁴ Нет слов таких, чтоб ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг и ужас тайный длился:
- ⁷ Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрел я благодать.
- ¹⁰ Попал я в чащу дикую; нигде там
Я не нашел, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.
- ¹³ Пустыня предо мной была кругом,
Где ужасом невольным сердце сжалось.
Я увидал перед собой потом
- ¹⁶ Подножие горы. Она являлась
В лучах светила радостного дня
И светом солнца сверху позлащалась,
- ¹⁹ Прогнавшим страх невольный от меня.
В душе моей изгладилось смущенье,
Как гибнет тьма от яркого огня.
- ²² Как выброшенный на берег в крушенье
В борьбе с волной измученный пловец
Глядит назад, где море в исступленьи
- ²⁵ Ему сулит мучительный конец;
Так точно озирался я пугливо,
Как робкий, утомившийся беглец,
- ²⁸ Чтоб еще раз на страшный путь тоскливо,
Переводя дыхание, взглянуть:
Доныне умирало все, что живо,
- ³¹ Свершая тот непроходимый путь.
Лишившись сил, как труп, в изнеможеньи
Я опустился тихо отдохнуть,
- ³⁴ Но снова, пересилив утомленье,
Направил шаг вперед по крутизне,
Все выше, выше каждое мгновенье.

³⁷ Я шел вперед, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пестрой кожей
И с пятнами на выгнутой спине.

⁴⁰ Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов мне похожей,

⁴³ И заграждает путь, на нем ложась,
Так что я думать стал об отступленьи.
На небе утро было в этот час.

⁴⁶ Земля очнулась после пробужденья,
И плыло солнце в небе голубом,
То солнце, что во дни миротворенья

⁴⁹ Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звезда, с их ясным, кротким светом...
Ободренный веселым, светлым днем,

⁵² Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,
Но новый ужас ждал меня при этом:

⁵⁵ Передо мной вдруг очутился лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня: стоял я, присмирив.

⁵⁸ Смотрел в глаза так алчно он и твердо,
Что я как лист затрепетал тогда;
Глажу: за ним видна волчицы морда.

⁶¹ Она была до ужаса худа:
Ненасытимой жадностью, казалось,
Волчица подавляема всегда.

⁶⁴ Уже не раз перед людьми являлась
Она, как гибель их... В меня она
Чудовищными взглядами впивалась,

⁶⁷ И стала вновь отчаянья полна
Моя душа. Исчезла та отвага,
Которая вести была должна

⁷⁰ Меня на верх горы. Как жадный скряга
Рыдает, потерявши капитал,
В котором видел счастье, жизни благо,

⁷³ Так перед диким зверем я рыдал,
Путь пройденный теряя шаг за шагом,
И снова вниз по крутизне сбегал

⁷⁶ К тем безднам и зияющим оврагам,
Где блеска солнца видеть уж нельзя
И ночь темна под вечным, черным флагом.

⁷⁹ С стремнины на стремнину вниз скользя,
Я человека встретил той порою.
Безмолвие собой изобразя,

⁸² Он словно так был приучен судьбою
К молчанию, что голос потерял,
Увидя незнакомца пред собою.

- ⁸⁵ В пустыне мертвой громко я воззвал:
«Кто б ни был ты — живой иль привиденье,
Спаси меня!» И призрак отвечал:
- ⁸⁸ «Когда-то был живое я творенье;
Теперь перед тобой стоит мертвец.
Я в Мантуе рожден в одном селенье;
- ⁹¹ В Ломбардии жил прежде мой отец.
Жизнь начал я при Юлии и в Риме
В век Августа жил долго, наконец,
- ⁹⁴ Когда богами ложными своими
Считали люди идолов. Тогда
Я был поэт, писал стихи, и ими
- ⁹⁷ Энея воспевал и те года,
Когда распались стены Илиона...
А ты зачем стремишься вниз сюда,
- ¹⁰⁰ В обитель скорби, скрежета и стона?
Зачем с пути к жилищу вечных благ
Под благодатным блеском небосклона
- ¹⁰³ Стремишься к тьме неудержимо так?
Иди вперед и не щади усилий!>
И, покраснев, ему я сделал знак
- ¹⁰⁶ И спросил: «Ужели ты Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе
- ¹⁰⁹ Моей любви к тебе, святой поэт,
Расскажет слабый труд мой и творенья
И то, что изучал я много лет
- ¹¹² Великие твои произведения¹.
Смотри: я перед зверем трепещу,
Все жилы напряглись. Ищу спасенья,
- ¹¹⁵ Певец, твоей я помощи ищу».
«Ты должен поискать пути иного,
И этот путь я указать хочу».
- ¹¹⁸ Услышал я из уст поэта слово:
«Знай, страшный зверь-чудовище давно
Путь этот заграждает всем сурово
- ¹²¹ И губит, и терзает всех равно.
Чудовище так жадно и жестоко,
Что вечно не насытится оно
- ¹²⁴ И жертвы рвет в одно мгновенье ока.
К нему на смерть несчетное число
Творений жалких сходит издалёка, —
- ¹²⁷ И долго будет жить такое зло,
Пока Пес Ловчий² с зверем не сразится,
Чтобы вредить уж больше не могло
- ¹³⁰ Чудовище. Пес Ловчий возгордится
Не жалким властолюбием, но в нем
И мудрость, и величие отразится,
- ¹³³ И родиной его мы назовем
Страну от Фельтро и до Фельтро³. Силы
Италии он посвятит; мы ждем,
- ¹³⁶ Что с ним опять воспрянет из могилы
Италия, где прежде кровь лилась,
Кровь девственной, воинственной Камиллы,

¹³⁹ Где Турн и Низ нашли свой смертный час⁴.
Преследовать от града и до града
Волчицу эту будет он не раз,

¹⁴² Пока ее не свергнет в кратер Ада,
Была откуда изгнана она
Лишь завистью... Спасти тебя мне надо

¹⁴⁵ От этих мест, где гибель так верна;
Иди за мной, — тебе не будет худо,
Я выведу — на то мне власть дана —

¹⁴⁸ Тебя чрез область вечности отсюда,
Чрез область, где услышишь ты во мгле
Стенания и вопли, где, как чуда,

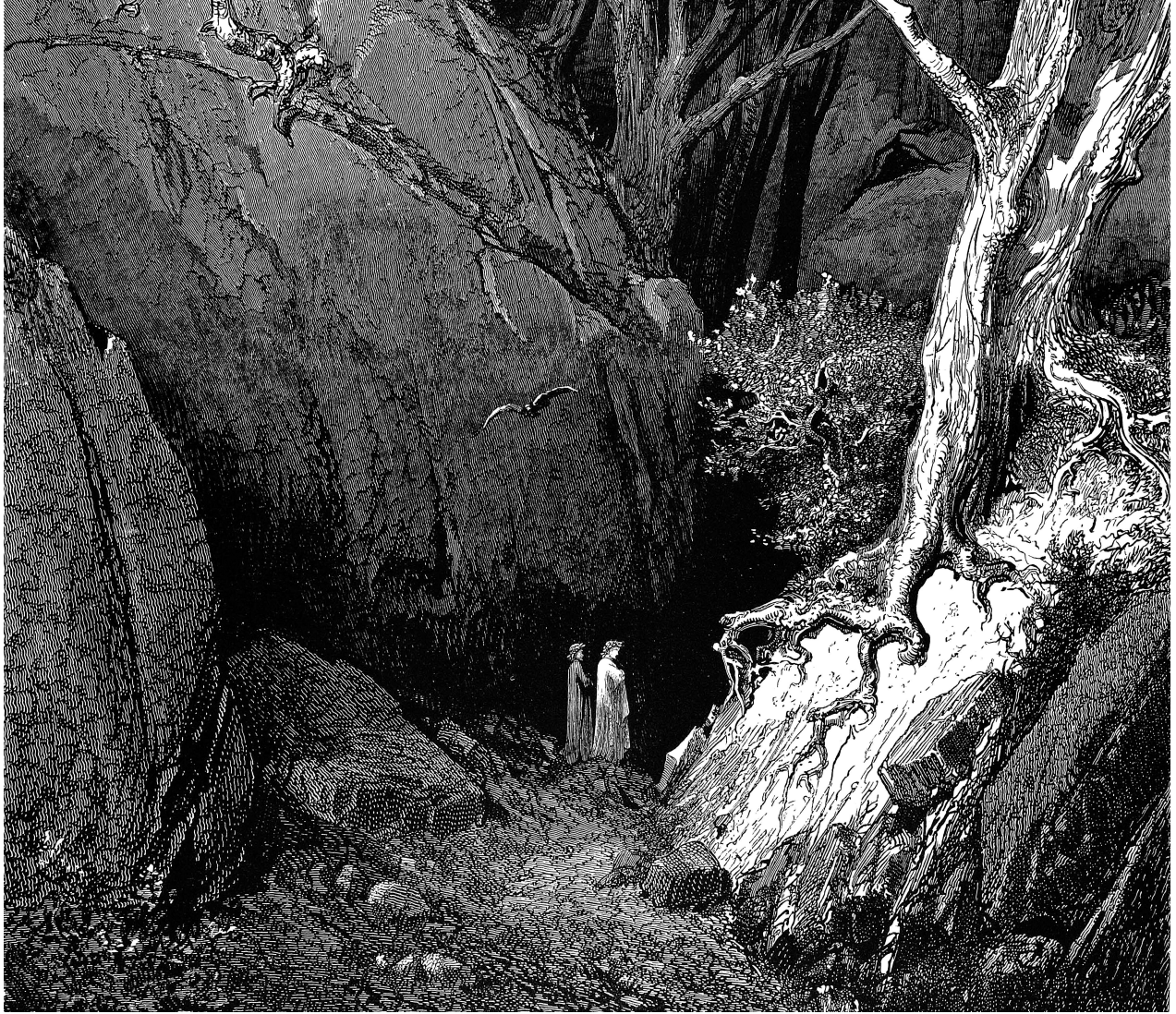
¹⁵¹ Видения умерших на земле
Вторичной смерти ждут и не дождутся⁵
И от мольбы бросаются к хуле.

¹⁵⁴ Потом перед тобою пронесутся
Ликующие призраки в огне,
В надежде, что пред ними распахнутся,

¹⁵⁷ Быть может, двери в райской стороне
И их грехи искупятся страданием.
Но если обратишься ты ко мне

¹⁶⁰ С желанием в Раю быть — тем желаньем
Давно уже полна душа моя —
То есть душа другая: по деяньям

¹⁶³ Она меня достойнее, и я
Ей передам тебя у райской двери
И удалюсь, печаль свою тая.

¹⁶⁶ Я был рожден в иной и темной вере,
К прозрению не приведен никем,
И места нет теперь мне в райской сфере,

¹⁶⁹ И я пути не укажу в эдем.
Кому подвластны солнце, звезды эти,
Кто царствует в веках над миром всем,

¹⁷² Того обитель — Рай... На этом свете
Блаженны все, им взысканные!» Стал
Тогда искать опоры я в поэте:

¹⁷⁵ «Спаси меня, поэт! — я умолял. —
Спаси меня от бедствий ты ужасных
И в область смерти выведи, чтоб знал

¹⁷⁸ Я скорбь теней томящихся, несчастных,
И приведи к священным тем вратам,
Где Петр Святой обитель душ прекрасных

¹⁸¹ Век стережет. Я быть желаю там».
Мой проводник вперед шаги направил,
И следовал я по его пятам.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Во второй песне поэт, после обычного вступления, начинает сомневаться в своих силах для предстоящего пути и думает, что не в состоянии будет сойти в Ад вместе с Вергилием. Ободренный Вергилием, он решается наконец следовать за ним как за своим наставником и путеводителем.

¹ День потухал. На землю сумрак лег,
Людей труда к покою призывая.
Лишь я один покойным быть не мог,

⁴ Путь трудный, утомительный свершая.
Все то, что предстояло мне вперед —
Страдания и обаянье Рая, —

⁷ То в памяти навеки не умрет...
О, музы, о святое вдохновенье!
Теперь вы мой единственный оплот!

¹⁰ Запомни, память, каждое явление,
Которое заметил только взгляд!
«Скажи, поэт! — воскликнул я в волненье. —

¹³ Мой путь тяжел, в пути препятствий ряд...
По силам ли мне подвиг предстоящий?
Ты описал, как раз спускался в Ад

¹⁶ Герой Эней¹, тогда еще носящий
Людскую плоть, и вышел невредим:
Сам вечный Бог, на свете зло разящий,

¹⁹ Всегда стоял защитником над ним
И чтит родоначальника в нем Рима;
И знаем мы — на этот славный Рим

²² Сошло благословение незримо...
Святынею, источником добра
Да будет град, где власть неутомима

²⁵ Наместников святителя Петра!..
Спустился в Ад Эней, тобой воспетый,
В нем не нашедший смертного одра,

²⁸ Но знаньем и прозрением согретый,
Величье пап из Ада вынес он.
Позднее же с земли печальной этой

³¹ Сам Павел был на Небо вознесен,
Где стал опорой нашего спасенья.
Но я — тяжелым подвигом смущен,

³⁴ Я трепещу за дерзкие стремленья.
Я не апостол Павел, не Эней, —
Избрать их путь кто дал мне позволение?

³⁷ Вот почему являться в мир теней
Боюсь с тобой. Уж не безумен я ли?
Но ты меня мудрее и сильней:

⁴⁰ Покорствую тебе в моей печали».
Как человек, лишенный воли вдруг,
В котором мысли новые сменяли

⁴³ Ряд прошлых дум и помыслов и мук,
Так точно я в пути стал колебаться
И озирался с трепетом вокруг,

⁴⁶ И быстро стала робостью сменяться
Моя решимость. Призрак мне сказал:
«Ты начал низкой трусостью смущаться.

⁴⁹ Подобный страх нередко отвращал
От славных дел. Так тени зверь боится.
Но я рассею страх твой. Я блуждал

⁵² Средь призраков, и ждал, когда решится
Над участью моею приговор,
Вдруг слышу, — я не мог не удивиться, —

⁵⁵ Святая Дева в тихий разговор
Со мной вступила. Счастья не скрывая,
Я Деве покорился с этих пор.

⁵⁸ Как звезды неба не жили, сверкая,
Ее глаза и голос так звучал,
Как пенье херувимов в царстве Рая:

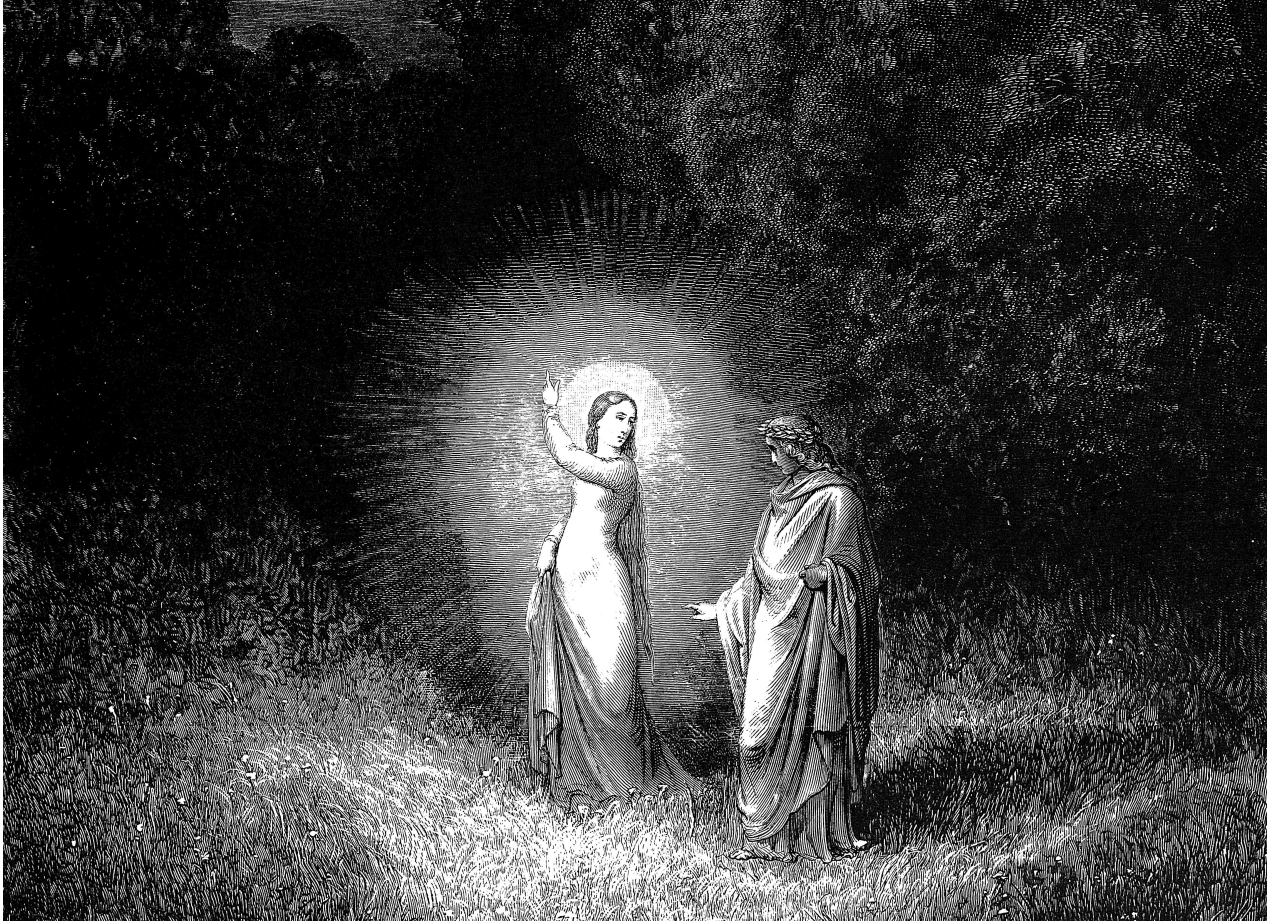
⁶¹ «О, ты поэт, чей гений засиял
И будет жить до разрушенья света,
Иди! На крутизне пустынных скал

⁶⁴ Мой друг ждет и опоры, и совета,
Препятствиями страшными смущен.
Иль для него погибло все? Ответа

⁶⁷ Я буду ждать: он будет ли спасен?
Иди к нему и силой строгой речи
Да будет от беды избавлен он.

⁷⁰ Мне имя — Беатриче; издалече
Явилась я. Меня любовь вела,
Моя любовь с тобой искала встречи:

⁷³ Я помощи твоей с мольбой ждала.
В обитель Бога скоро я предстану
И там, где гибнет всякая хула,

⁷⁶ Тебя я славословить громко стану...»
И Беатриче смолкла. Я сказал:
«Клянусь, тебе служить я не устану!

⁷⁹ Ты святости высокой идеал,
Ты образ добродетели чудесной!
Все радости земли, что Бог нам дал,

⁸² Доводишь ты до радости Небесной!
Тебе легко повиноваться мне...
И если бы, о призрак бестелесный,

⁸⁵ Твою я волю выполнил вполне,
То все бы постоянно мне казалось,
Что действовал я вяло, как во сне,

⁸⁸ Что дело слишком медленно свершалось.
Твои желанья мог я оценить,
Но отвечай: как ты не побоялась

⁹¹ В жилище преисподнее сходить
Из той святой обители надзвездной,
Которую не можешь ты забыть?..»

⁹⁴ «Без страха я скольжу над этой бездной, —
Сказала Беатриче, — и, поэт,
Могу тебе совет я дать полезный:

⁹⁷ Поверь — когда злых помыслов в нас нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему — вот где источник бед,

¹⁰⁰ И только зла нам нужно всем пугаться.
Благое Небо крепость мне дает,
Чтоб не могла страданьем я терзаться

- ¹⁰³ И даже пламя ног моих не жжет.
Там в Небесах есть Дева Всеблагая²,
И ей-то, Всеблагой, стал жалок тот,
- ¹⁰⁶ Кого спасти ты должен, сберегая.
И к Лючии³ пришла с мольбой она:
«Спеши помочь тому ты, дорогая,
- ¹⁰⁹ Которому рука твоя нужна».
И Лючия то место посетила,
Любви и сострадания полна,
- ¹¹² Где я с Рахилью старой говорила,
И молвила: «Настал ужасный миг!
Что, Беатриче, ты не поспешила
- ¹¹⁵ Спасти того, кто в мире стал велик,
Любив тебя? Иль ты не слышишь, что ли,
Знакомый вопль и о спасенье крик?
- ¹¹⁸ Не видишь, как жилец земной юдоли
В борьбе со смертью грозной изнемог,
Которая страшна в безумной воле,
- ¹²¹ Как океана бешеный поток...»
Никто быстрее не мчался для добычи,
Никто от бед бежать скорей не мог,
- ¹²⁴ Как бросилась сюда я, Беатриче,
Покинувши приют святых теней,
И одного тебя на помощь клича.
- ¹²⁷ Ты даром слова в мире всех сильней,
И я в твоих словах ищу опоры...»
Тогда на мне безмолвно, без речей,
- ¹³⁰ Она в слезах остановила взоры,
И я к тебе на помощь поспешил
Не медля, — мне страшны ее укоры;
- ¹³³ Волчицу я к тебе не допустил
И на гору открыл тебе дорогу...
Что ж медлишь ты? Иль в сердце не смирил
- ¹³⁶ Ты робости напрасную тревогу?
Когда три девы в вечных Небесах
За жизнь твою мольбы возносят к Богу,
- ¹³⁹ Когда во мне, во всех моих словах
Находишь ты привет и поощренье,
Ужель в тебе не утихает страх?»
- ¹⁴² Как от холодных ветров дуновенья,
От стужи наклоняются цветы
И утром вновь встают в одно мгновенье
- ¹⁴⁵ Под блеском солнца, полны красоты,
Так точно я от страха вдруг очнулся,
Воскликнув: «Будь благословенна ты,
- ¹⁴⁸ В чем состраданье я не обманулся,
Ты, бодрость заронившая мне в грудь,
Когда мой стан от ужаса согнулся...
- ¹⁵¹ И ты, поэт, благословенным будь,
Исполнив повеленье Девы Рая.
С тобой готов начать я смело путь,
- ¹⁵⁴ Желаньем трудных подвигов сгорая.
С тобой мне не страшна пучина зол...
Веди ж меня, путей не разбирая...»
- ¹⁵⁷ Так я сказал и за певцом пошел.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Данте, следуя за Вергилием, достигает дверей Ада, куда оба входят, прочитавши у входа страшные слова. Вергилий, указывая поэту на мучения, которые заслужили трусы, ведет его далее. Они приходят к реке, называемой Ахерон, у которой находят Харона, перевозящего души на другой берег. Когда Данте переехал чрез Ахерон, то он заснул на берегу этой реки.

¹ «За мной — мир слез, страданий и мучений,
За мною — скорбь без грани, без конца,
За мной — мир падших душ и привидений.

⁴ Я — правосудье высшего Творца,
Могущества и мудрости создание,
Творение Небесного Отца,

⁷ Воздвигнутое раньше мирозданья.
Передо мной — прошел столетий след,
Удел мой — вечность, вечность наказанья,

¹⁰ За мной ни для кого надежды нет!»
Над входом в Тартар надпись та чернела.
Я страшные слова прочел. «Поэт,

- ¹³ Смысл этих слов, — воскликнул я несмело, —
Наводит страх!» Вергилий угадал,
Что сердце у меня оледенело.
- ¹⁶ «Здесь места страху нет, — он отвечал. —
Мы подошли к обители печали
Тех падших душ, — Вергилий продолжал, —
- ¹⁹ Что на земле безумцами блуждали»¹.
И мне с улыбкой руку сжал певец;
Я стал бодрей, и вот мы увидали
- ²² Обитель вечной тайны, наконец,
Где в безрассветном мраке раздавались
Вопль и стенанья из конца в конец;
- ²⁵ Повсюду стоны, где мы ни являлись,
И я заплакал, выдержать не мог...
Мы ближе, — вопли грешников сливались
- ²⁸ В смесь разных языков, в один поток.
Хулы, проклятья, бешенства визжанье,
Ужасные движенья рук и ног, —
- ³¹ Все в гул сливалось в общем завыванье.
Так ураган крутит степей пески.
Ревет и губит все, без состраданья.
- ³⁴ В неведенье, исполненный тоски,
Воскликнул я невольно: «О, учитель!
Уже ль грехи теней так велики,
- ³⁷ Теней, попавших в страшную обитель?
И кто они?» «Ничтожество — они
В толпе людей, — сказал путеводитель. —
- ⁴⁰ При жизни на земле в иные дни
Жалчайшими их тварями считали.
Им на земле, — кругом себя взгляни, —
- ⁴³ Хулы иль похвалы не воздавали;
Теперь — они вступили в сонм духов,
Которые Творцу не изменяли,
- ⁴⁶ Но грех давил их тяжестью оков
И не было в них веры в Провиденье.
Великий Бог их свергнул с облаков,
- ⁴⁹ Чтоб Небеса не знали оскверненья,
И даже Ад впустить их не хотел:
В Аду гнушалось даже преступленье
- ⁵² Ничтожеством и мерзостью их дел».
«Какие же назначены им муки?
Какой у них, наставник мой, удел?
- ⁵⁵ Пронзительны их страшных воплей звуки...»
И отвечал Вергилий: «Лишены
Они надежды; скованы их руки.
- ⁵⁸ В их настоящем скорби так сильны,
Что худшей доле, большему мученью
Они всегда завидовать должны.
- ⁶¹ Мир их забыл — и нет конца забвенью:
Их не щадят, но также не казнят,
Приговоривши к вечному презренью.
- ⁶⁴ Но прочь от них и брось вперед свой взгляд,
Иди теперь за мной неумоимо».
Я сделал шаг, но отступил назад:

⁶⁷ Передо мной промчалось знамя мимо,
Так быстро, словно вихорь уносил
Его вперед, вперед неудержимо.

⁷⁰ За ним летели призраки могил
Несчетной вереницей: страшно было,
Что столько жизней в мире, столько сил

⁷³ Смерть в призраки немые обратила.
Один из них мне словно был знаком:
Известный образ память сохранила.

⁷⁶ Смотрю: да, это точно он, о ком
Народ с презреньем часто отзывался,
Кто, покривя душой и языком,

⁷⁹ Высоким отреченьем запятнался².
Тут понял я, что этот сонм теней
Собраньем душ отверженных являлся,

⁸² Презренных для врагов и для друзей.
Их жизнь была не жизнь, а прозябанье,
И здесь теперь, при нагоде своей,

⁸⁵ Достались эти жалкие созданья
На жертву насекомых — мух и ос —
И терпят непрерывные терзанья.

⁸⁸ По лицам их, мешаясь с током слез,
Струилась кровь и к их ногам стекала,
Где множество червей в крови вилось,

⁹¹ И эту кровь мгновенно пожирало.
От них я отвернулся. Вдалеке
Немало новых призраков стояло

⁹⁴ На голом берегу, столпясь к реке.
«Учитель, — я спросил, — чьи тени эти,
Что переправы словно ждут в тоске?

⁹⁷ Их вижу я едва при тусклом свете».
«Об этом ты узнаешь, — молвил он, —
Когда, — я побледнел при том ответе, —

¹⁰⁰ Откроется пред нами Ахерон».
Мы дальше шли, и я хранил молчанье,
Пока не увидал со всех сторон

¹⁰³ Большой реки, бежавшей без журчанья.
Вот подплыл к нам седой старик в челне.
«О, горе вам, преступные созданья! —

¹⁰⁶ Он закричал Вергилию и мне. —
Надежды все вам нужно здесь оставить,
Вам Неба не увидеть в вышине.

¹⁰⁹ Я здесь, чтобы туда вас переправить,
Где холод вечный царствует и ночь,
Где пламя в состояньи все расплавить.

¹¹² А ты, — он мне сказал, — отсюда прочь!
Среди умерших места нет живому».
Не в силах любопытства превозмочь,

¹¹⁵ Не двигался я с места. «По иному
Пути ты поплывешь, — прибавил он, —
И переправит к берегу другому

¹¹⁸ Тебя челн легкий...» «Знай же ты, Харон, —
Ему сказал мой спутник хладнокровный, —
Что ты напрасным гневом возмущен: